

УДК 159.955.1

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ НАКАЗАНИЯ
В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ***Б.С. Алишев, О.А. Аникеенок, А.Р. Галлямова***Аннотация**

В статье рассматривается вопрос о том, на какие принципы справедливого наказания опираются лица младшего подросткового, старшего подросткового и юношеского возраста в ситуациях разного типа: а) в ситуациях легких проступков и тяжелых правонарушений, б) в ситуациях, в которых виновная и пострадавшая стороны отличаются разной степенью близости к респонденту. Полученные данные показывают, что 1) фактор тяжести нарушения влияет на выбор принципов справедливого наказания одинаково во всех возрастных группах; 2) фактор «свой – чужой» оказывает более сильное влияние на выбор принципов справедливого наказания в старших возрастных группах.

Ключевые слова: справедливость, принципы наказания, представления о справедливости наказания, типы ситуаций, подростковый возраст, юношеский возраст.

Теоретические положения. Практически все исследователи представлений о справедливости указывают на то, что ее понимание и оценка всегда субъективны. Справедливой, как правило, признается благоприятная для субъекта ситуация, а несправедливой – неблагоприятная. К. Лейнг и У. Дж. Стефан со ссылкой на более ранние исследования отмечают, что вынесение суждений, касающихся справедливости, связано с выбором принципов справедливости и критериев их применимости, однако существуют специфические установки, продиктованные культурой, которые определяют применение норм права и справедливости [1, с. 607–608, 610–611]. Иначе говоря, представления о справедливости опираются на некие культурные, субкультурные и индивидуальные нормы, которые обусловлены фактом принадлежности личности к различным культурным группам. В частности, на эти представления может влиять возраст, определяющий общий уровень интеллектуального и морального развития индивидуума. По мере усвоения им правил и норм культуры различные события и ситуации интуитивно могут оцениваться с точки зрения справедливых и несправедливых. Справедливым для него становится все то, что принимается им как норма, правило, закон. Таким образом, утверждение Нобелевского лауреата Дж. Бьюкенена: «...понятие справедливости обретает смысл благодаря правилам того общественного порядка, в рамках которого оно применяется» [2, с. 175], – может быть отнесено к любым возрастным группам, по крайней мере начиная с раннего подросткового.

Во многих исследованиях отдельно выделяют карательную, или ретрибутивную, справедливость как справедливость в ситуации назначения наказания

за проступок или преступление (см. [1, 3–5] и др.). В последние годы часто говорят о ней как об определенной стратегии восстановления нарушенной справедливости путем наказания виновника, противопоставляя ее другой стратегии, в основе которой лежит нейтрализация чувства несправедливости и его последствий у жертвы. Иными словами, карательная справедливость – это наказание преступника, а восстановительная – это возмещение ущерба, нанесенного жертве [6, р. 540–542]. Вместе с тем другие исследователи указывают на то, что с психологической точки зрения эти различия не являются существенными. Психологов более всего интересуют принципы, на которые опираются люди при вынесении суждений о справедливости или несправедливости того или иного положения, а они, по-видимому, являются универсальными для ситуаций распределения, обмена, наказания и др. (см. [7, с. 11–18]). Поэтому психологи считают, что следует различать не виды справедливости, а типы ситуаций, в которых актуализируется вопрос о справедливости. Поддерживая это мнение, в настоящей статье мы будем анализировать выбор норм справедливости подростками и лицами юношеского возраста лишь применительно к ситуациям наказания. Связано это с тем значением, которое имеет сама проблема наказания для формирования личности в целом, а также ее характера и нравственных убеждений. Кроме того, необходимо иметь в виду, что нарушения норм, правил и соответствующих им ожиданий людей в ситуациях наказания зачастую воспринимаются и переживаются ими гораздо тяжелее, чем нарушение ожиданий в ситуациях распределения. Большинство людей на интуитивном уровне согласны с тем, что проступок, оставленный без внимания и наказания, хуже, чем оставленное без вознаграждения благое дело. Это дает основания полагать, что в психологическом плане справедливость наказания более важна для поддержания ментального благополучия людей разного возраста, чем справедливость распределения.

В общем виде под справедливостью мы будем понимать определенную модальность восприятия человеком отношений между различными объектами и явлениями социальной действительности. Поскольку социальное восприятие неразрывно связано с оценкой и формированием собственного отношения к воспринимаемому, постольку понятие справедливости является ценностной категорией. В этом качестве она не имеет и не может иметь однозначной трактовки своей сущности. Сущность справедливости становится предметом индивидуальной интерпретации, хотя, конечно же, в этой сфере существуют социокультурные нормы и стандарты, о роли которых уже упоминалось выше. Имеющиеся научные данные позволяют говорить о том, что эти нормы, во-первых, неодинаковы в разных культурах и обусловлены действующими в них общими принципами социального устройства; во-вторых, они не являются неизменными, а эволюционируют одновременно с социально-экономическим, политическим и нравственным развитием общности; в-третьих, люди далеко не всегда следуют им, прежде всего по причине существования так называемого «предпочтения собственного я». Сознательно и бессознательно действуя по принципу «своя рубашка ближе к телу», они меняют свои стандарты определения того или иного положения как справедливого или несправедливого в зависимости от того, идет ли речь о них самих или о других людях (см., например, [7; 8]). Таким образом,

на представления о справедливости влияет как «явная», так и «скрытая» культура, то есть и декларируемые в официальной этике и праве нормы, и бытующие на уровне неформальных межличностных взаимодействий негласные правила.

Значительный интерес в связи с этим вызывает вопрос об особенностях формирования и трансформации представлений о справедливости в детском и подростковом возрасте, когда-то ставившийся и тщательно исследовавшийся еще Ж. Пиаже [9]. В данной статье как раз и сделана попытка проанализировать результаты проведенного авторами исследования особенностей представлений о справедливости наказания (ретрибутивной справедливости) в трех возрастных группах: младших и старших подростков, юношей. В качестве рабочих гипотез нами было высказано два предположения: 1) структура и содержание представлений о справедливости наказания в основном уже формируются к младшему подростковому возрасту и затем изменяются незначительно; 2) на представления о нормах и принципах справедливого наказания оказывают влияние параметры самой ситуации, например ролевые позиции участников, но в младшем подростковом возрасте указанное влияние менее выражено по сравнению с более старшими возрастными группами.

Методика и выборка исследования. В исследовании использовалась специальная методика, построенная по принципу репертуарных решеток, предложенная и проверенная в предыдущих работах Б.С. Алишева и О.А. Аникеенок (см. [10–12]). Она представляет собой матрицу, в столбцах которой размещены описания 18 ситуаций, связанных с наказанием за различные проступки и правонарушения, а в 17 строках указаны принципы и нормы наказания, которым может следовать человек. И ситуации, и принципы подобраны с учетом ряда требований. В частности, ситуации заранее сгруппированы по двум основаниям:

1) фактор тяжести нарушения (разделение на противоправные проступки и нарушения, как правило, не наказуемые законом, то есть на «тяжелые» и «легкие» ситуации);

2) фактор «свой – чужой» (разделение нарушителей и потерпевших на близких к респонденту и посторонних для него).

Нетрудно видеть, что возможно четыре варианта сочетания данных оснований, что позволяет выделить четыре типа ситуаций. К каждому из них в методике было предложено не менее четырех ситуаций.

Заполнение матриц в виде таблиц респондентами осуществлялось фронтальным методом под руководством исследователя. Предварительно давалась инструкция, которая выглядела следующим образом: «В колонках таблицы Вашего бланка ответов пронумерованы различные ситуации, возникающие в жизни человека или в обществе в целом (их содержание будет зачитываться позже). В строках таблицы указаны принципы, на которых люди могут основываться при определении наказаний их участникам или виновникам. Ваша задача состоит в том, чтобы для каждой ситуации определить главные принципы, то есть те, на которые Вы лично будете опираться в первую очередь при принятии справедливого решения о наказании кому-то из ее участников. Вам нужно поставить знак “+” не более чем в 3-х клетках каждой колонки, то есть для каждой ситуации выбрать не более 3-х принципов наказания». При необходимости респондентам давались дополнительные пояснения.

В качестве примера мы приводим текст некоторых ситуаций, использованных в методике исследования: «*Группой молодых людей ограблена квартира Ваших знакомых*» (уголовно наказуемый поступок, где пострадавший является близким человеком для испытуемого); «*В результате ошибки Вашего родственника произошла авария на производстве, в которой пострадали люди*» (административно и уголовно наказуемый поступок, где уже виновный является близким человеком); «*Не снижая скорости на остановке, водитель автомашины обрызгал Вас грязью*» (ситуация, в которой пострадавшей стороной является сам испытуемый); «*Ваш друг, работая в кабинете информатики, случайно занес вирус в компьютер*» (ситуация, в которой виновник является близким человеком для испытуемого).

Перечень норм и принципов справедливого наказания, из которого могли выбирать испытуемые, приведен в табл. 1. В основном они отражают широко известные принципы равенства, баланса, законности, объективности и т. д.

Индивидуальные ответы респондентов были нами суммированы путем наложения. В итоге обобщенные результаты представляли собой числовые матрицы (18 столбцов на 17 рядов) с величинами частот в каждой клетке, которые показывали, как часто в конкретной ситуации был использован тот или иной принцип справедливости. Предполагалось, что если между исследуемыми возрастными группами существуют отличия в виде большего предпочтения того или иного принципа справедливого наказания, то они должны проявиться в статистически значимых отличиях величин частот, выраженных в процентах от числа возможных ответов. Для установления достоверности отличий в предпочтении принципов справедливого наказания респондентами мы использовали ϕ -критерий Фишера, который удобен для таких случаев.

Для проверки выдвинутых предположений нами сравнивались представления о принципах и нормах ретрибутивной справедливости (справедливости наказания) в трех возрастных группах: 1) 193 учащихся в возрасте 10–11 лет (4-е классы); 2) 151 подросток 14–15 лет (8–9-е классы); 3) 178 юношей и девушек 18–19 лет (студенты двух педагогических вузов). Все три выборки были выровнены по половому признаку.

Результаты исследования. Основные данные, необходимые для анализа результатов проведенного исследования, приведены в двух нижеследующих таблицах. В частности, в табл. 1 представлены относительные частоты использования принципов наказания в разных возрастных группах в ситуациях легких проступков и тяжелых правонарушений независимо от того, какова позиция пострадавшего/виновного по отношению к респонденту. Отметим, что сумма величин в каждом столбце таблицы превышает 100% в силу того, что респонденты могли выбрать от одного до трех способов (принципов) наказания в каждой конкретной ситуации.

Сначала рассмотрим ситуации, связанные с легкими проступками. Как можно видеть, некоторые принципы выбираются испытуемыми чаще, а другие реже. Например, выделяются на общем фоне следующие принципы: «Достаточно высказать словесное порицание» – принцип № 12 (от 28% до 30% использующих его в зависимости от возраста), «Не нужно наказывать никого» – № 11 (от 15% до 21%), «Виновник должен возместить нанесенный ущерб» –

Табл. 1

Относительные частоты использования принципов наказания в ситуациях легких проступков и тяжелых правонарушений в различных возрастных группах (в % от общего количества выборов по данному типу ситуаций)

№	Принципы справедливого наказания	Относительные средние частоты выбора принципов (в %)					
		легкие проступки			тяжелые правонарушения		
		А	Б	В	А	Б	В
1	Наказание должно быть беспристрастным	9.5	5.5	4.0*	19.7	20.0	16.6
2	Наказание может зависеть от настроения	2.9	5.5	8.0*	1.3	3.2	0.7
3	Виновник должен быть строго наказан	12.0	12.7	9.6	27.0	26.3	26.2
4	Виновник должен возместить нанесенный ущерб	18.6	23.3	17.5	29.4	39.2**	24.8
5	Наказание должно определяться по закону	8.5	8.9	6.4	34.0	34.3	40.5
6	Желательно переложить решение на кого-нибудь другого	7.7	3.9	3.2	6.5	7.5	2.4
7	Наказание должно соответствовать степени вины	7.0	7.7	9.9	11.9	20.9	22.7**
8	Наказание должно учитывать пол, возраст и др.	4.7	3.4	3.2	7.0	8.6	5.5
9	Нужно использовать любые возможности для наказания	2.4	9.4**	6.2	4.7	5.3	3.3
10	Нужно наказать любого без разбора	2.6	2.9	2.6	2.2	3.1	2.3
11	Не нужно наказывать никого	15.0	21.2	15.8	1.7	3.1	0.9
12	Достаточно высказать словесное порицание	27.9	29.7	27.5	6.7	2.2	1.7**
13	Мера наказания должна зависеть от отношения к человеку (чем он ближе, тем мягче наказание)	2.8	3.1	6.4	3.0	2.8	2.0
14	Ни в коем случае нельзя устраивать самосуд	6.7	6.2	5.7	11.4	7.9	7.5
15	Нужно наказать всех одинаково	1.7	1.6	1.0	4.7	4.5	7.4
16	Наказание должно учитывать возможные последствия поступка	8.4	7.9	10.0	17.8	13.7	15.4
17	Нужно учитывать все обстоятельства, которые привели к поступку	11.3	11.5	12.4	19.9	14.9	29.7**

Примечание: 1) А – младшие подростки ($N = 193$ человека), Б – старшие подростки ($N = 151$); В – студенты раннего юношеского возраста ($N = 178$); 2) жирным шрифтом выделены пары индексов внутри группы ситуаций со статистическими значимыми отличиями по Фишеру: * – отличия на уровне статистической значимости $p \leq 0.05$; ** – отличия на уровне статистической значимости $p \leq 0.01$.

№ 4 (от 18% до 23%). Однако во всех трех выборках нет ни одного принципа, на который ориентировалась бы основная масса респондентов при справедливом наказании в «легких» ситуациях. Это объясняется, скорее всего, тем, что в обыденной жизни наказание за такие проступки может вообще отсутствовать. Очень многое зависит от состава участников ситуации, текущих отношений между ними и от множества нюансов самой ситуации. Поэтому в большинстве своем дети, подростки и юноши не отличаются последовательностью действий при принятии решения о наказании в ситуациях легких проступков.

Важно также отметить, что по данным табл. 1, между разными возрастными группами статистически значимых отличий в средних значениях частот выбора принципов наказания в «легких» ситуациях мало. Есть всего лишь три отличия, но они связаны с относительно редко используемыми принципами: в каждой возрастной группе их использовали менее 10% респондентов. Тем не менее можно обратить внимание на то, что с возрастом уменьшается число респондентов, склонных использовать такой принцип наказания, как «беспристрастность» (№ 1), и увеличивается число респондентов, которые склонны считать, что наказание может зависеть от настроения (№ 2), то есть субъективизм при вынесении наказаний признается возможным чаще старшими, чем младшими.

В ситуациях тяжелых правонарушений картина несколько меняется. Отличий в выборе принципов наказания между группами респондентов становится больше. Во-первых, во всех группах возрастает общая частота использования всех принципов наказания. Во-вторых, во всех группах акцент переносится на принципы, отражающие строгость, законность и необходимость возмещения ущерба (№ 3, 4, 5). В-третьих, несмотря на то что значимость этих принципов наказания примерно одинакова (при ранжировании они занимают 1–4-е места во всех группах), с возрастом несколько меняется процент респондентов внутри каждой группы, которые отдают предпочтение какому-либо из них. Например, только в младшем подростковом возрасте эти три принципа имеют примерно равное значение, а в старшем подростковом возрасте резко повышается значение принципа № 4 – «необходимость возмещения ущерба». К юношескому возрасту заметно увеличивается частота использования принципа законности (№ 5), а также некоторых других принципов: № 7 – «необходимость учета степени вины» и № 17 – «необходимость учета всех обстоятельств». Повышение частоты выбора двух последних принципов в юношеском возрасте хорошо согласуется с идеями Ж. Пиаже и Л. Колберга и, по всей видимости, связано с возрастным развитием когнитивных способностей (см. [9, 13]). Дело в том, что вместе с общим развитием интеллекта человеку становится доступным понимание зависимости поведения людей от особенностей ситуации, и, как следствие, на выбор принципа справедливого наказания начинает заметно влиять анализ широкого социального контекста, в который включена та или иная ситуация. Важно также отметить, что с возрастом люди начинают принимать во внимание не только результат какого-либо действия, но и степень его намеренности.

Обобщая данные по «легким» и «тяжелым» ситуациям, отметим, что важным общим моментом, сближающим все возрастные группы, является то, что в «легких» ситуациях испытуемые всех возрастов нередко ориентируются на использование различных способов прямого наказания (непосредственного возмездия), не делают упора на строгости или законности наказания, а также допускают возможность субъективизма. В «тяжелых» ситуациях все меняется: резко усиливается ориентация на выбор формализованных принципов косвенного наказания, осуществляемого с помощью законодательных норм и установлений. Отсюда следует, что способность к дифференциации различных нарушений на легкие и тяжелые формируется уже к младшему подростковому возрасту. В этом же возрасте появляется и общее понимание того, что наказание должно быть связано с социальными последствиями совершенного нарушения.

Табл. 2

Относительные частоты использования принципов наказания в ситуациях легких проступков и тяжелых правонарушений в зависимости от ролевой позиции (виновник или жертва) близкого к испытуемому человека (в % от общего количества выборов)

№ принципа	в «легких» ситуациях						в «тяжелых» ситуациях					
	А		Б		В		А		Б		В	
	ВБЛ	ПБЛ	ВБЛ	ПБЛ	ВБЛ	ПБЛ	ВБТ	ПБТ	ВБТ	ПБТ	ВБТ	ПБТ
1	11.8	8.5	6.0	5.5	5.5	3.9	38.1	14.2**	30.1	15.9**	31.2	11.5**
2	1.6	5.6	2.6	9.6**	3.7	15.7**	1.8	0.8	3.3	4.6	1.1	0.0
3	13.5	11.3	7.9	18.5**	5.2	15.9**	16.8	33.4**	15.9	36.4**	7.3	37.9**
4	20.7	16.2	26.0	21.2	16.9	16.0	25.1	37.8**	25.8	51.0**	16.9	34.8**
5	11.5	7.5	11.1	7.0	8.1	5.6	26.4	41.5**	32.1	44.4**	35.7	42.1
6	10.2	6.7	4.1	1.7	4.9	2.4	9.6	3.9	17.5	1.7**	5.9	0.8
7	6.7	9.1	7.9	9.6	8.3	11.1	10.6	13.5	25.8	15.2**	24.7	23.0
8	6.6	4.1	3.1	4.6	3.4	4.2	8.0	7.0	10.3	8.6	7.0	6.7
9	1.7	3.1	3.5	11.3	2.0	11.8**	4.1	4.9	5.6	6.0	0.8	5.3
10	3.0	1.8	2.5	3.8	1.8	4.4	2.1	2.1	4.3	3.0	2.2	3.1
11	9.7	19.8**	27.6	19.4**	22.9	10.0**	1.0	1.0	2.3	1.3	1.7	0.0
12	18.8	33.4**	31.1	31.6	25.1	30.5	7.0	5.2	3.6	1.3	3.1	0.8
13	2.7	4.1	2.6	4.3	5.8	8.3	6.5	1.0	6.3	1.3	5.1	0.6
14	6.1	7.4	5.3	6.8	6.9	4.6	14.0	11.9	9.3	7.6	7.9	9.3
15	3.5	1.2	1.3	2.5	1.3	0.7	2.1	11.1**	3.0	8.6	5.1	13.5**
16	8.4	8.9	7.0	9.1	10.1	9.1	16.1	21.5	11.3	17.5*	11.8	21.6**
17	13.1	9.1	13.1	12.6	15.9	8.0**	21.0	18.7	14.6	12.3	32.6	23.6*

Примечание: 1) номера соответствуют номерам принципов в табл. 1; 2) А – младшие подростки (N = 193), Б – старшие подростки (N = 151); В – юноши (N = 178); 3) ВБЛ – виновник является близким к испытуемому в ситуациях легких проступков; ПБЛ – потерпевший является близким к испытуемому в ситуациях легких проступков; ВБТ – виновник является близким в ситуациях тяжелых проступков; ПБТ – потерпевший является близким в ситуациях тяжелых проступков; 4) жирным шрифтом выделены пары показателей со статистическими значимыми отличиями по Фишеру; * – уровень статистической значимости $p \leq 0.05$; ** – уровень статистической значимости $p \leq 0.01$.

Рассмотрим теперь особенности восприятия справедливости наказания в зависимости от наличия или отсутствия психологической близости между нарушителем/потерпевшим и испытуемым. Необходимые для этого данные приведены в табл. 2. В ней отдельно по трем возрастным группам указаны относительные частоты использования принципов наказания в следующих ситуациях: а) пострадавший является близким человеком испытуемого (ПБЛ и ПБТ), который назначает наказание постороннему; б) виновный является близким человеком испытуемого (ВБЛ и ВБТ), соответственно, пострадавший – посторонний для респондента. Это различие очень важно для дальнейшего анализа.

Первое, что обращает на себя внимание, это наличие во всех возрастных группах значительного числа статистически значимых отличий в применении принципов справедливого наказания в зависимости от того, является ли виновный близким к испытуемому человеком или нет. Другими словами, наличие пристрастное отношение большого числа респондентов каждой группы к наказуемому.

Статистически значимые отличия по «легким» ситуациям в группе младших подростков обнаружены по принципам № 11 – «Не нужно наказывать никого» и № 12 – «Достаточно высказать словесное порицание». Как можно ви-

деть, в случае легких проступков младшие подростки менее склонны защищать близких им людей и демонстрируют более снисходительное отношение к неблизким виновным. Внутри других выборок (старших подростков и юношей) в подобных ситуациях отличий в выборе принципов справедливого наказания в зависимости от меры близости к ним виновника и пострадавшей стороны больше. Большинство испытуемых двух старших групп наказание близкому человеку назначается более мягкое или вообще не назначается. Но все меняется, если близкий человек оказывается жертвой: к его обидчику применяется более строгий подход (см. принципы № 3 – «строгость», № 9 – признание возможности самосуда), гораздо реже, чем в противоположном случае, указывается на возможность отказа от наказания (№ 11). Итак, можно предположить, что младшие подростки в наименьшей мере дифференцируют «легкие» ситуации в зависимости от состава участников и их ролевых позиций по отношению к ним самим. Соотношение «свой – чужой» влияет на частоту их выбора принципов наказания в меньшей степени, чем у старших подростков и юношей. Роль данного фактора усиливается в более старших группах и проявляется в тенденции к ужесточению наказания для «чужих», с одной стороны, и к его смягчению для «своих», – с другой. Такие данные подтверждают вторую из выдвинутых нами гипотез и могут объясняться тем, что деление людей на «своих» и «чужих» представляет для младших подростков большую когнитивную сложность, чем для старших подростков и тем более для лиц юношеского возраста.

Впрочем, это только предположение, которое, во-первых, требует экспериментальной проверки, а во-вторых, не подтверждается в ситуациях тяжелых правонарушений. В них, как можно видеть из табл. 2, увеличивается число значимых статистических отличий внутри каждой возрастной группы при смене позиции психологически близкого человека с виновного на жертву. Статистически значимые отличия между показателями по двум типам «тяжелых» ситуаций внутри разных возрастных групп обнаруживаются в частоте применения следующих принципов: № 1 – «беспристрастность»; № 3 – «строгость»; № 4 – «необходимость возмещения ущерба»; № 5 – «законность» (только в группах подростков); № 7 – «необходимость учета степени вины» (у старших подростков); № 16 – «необходимость учета последствий» (у старших подростков и юношей); № 17 – «необходимость учета всех обстоятельств» (только у юношей) и др.

Рассмотрим указанные отличия более детально. Итак, в случае, когда виновный является близким человеком респондента, частота выбора двух принципов – непристрастности и законности (№ 1 и 5) – заметно выделяется на фоне других принципов справедливого наказания во всех возрастных группах. В зависимости от возраста испытуемых частота их выбора варьируется от 30% до 38% и от 26% до 36%. Когда же близкий человек оказывается пострадавшей стороной, а виновником является кто-то посторонний, на передний план во всех возрастных группах выходят три принципа: строгость (№ 3), необходимость возмещения ущерба (№ 4) и законность (№ 5). Как можно видеть, в двух разновидностях «тяжелых» ситуаций совпадает частота использования только одного принципа – «необходимость соблюдения законности», причем, в двух младших группах его чаще готовы применять тогда, когда близкий человек является жертвой, но не виновником.

В целом же нужно обратить внимание на то, что во всех возрастных группах в «тяжелых» ситуациях, когда в качестве пострадавшего выступает близкий человек, респонденты ориентируются на большую строгость наказания. При этом они хорошо понимают, что наказания заслуживает и близкий человек, если он совершил противоправный поступок, но наказывать его, по их мнению, следует все-таки несколько мягче, чем постороннего человека. Интересно, что такое пристрастное отношение проявляется более отчетливо в старшей группе респондентов. Если учесть, что российскую культуру часто относят к коллективистским, полученные результаты хорошо согласуются с выводами М.У. Морриса и К. Пенга [14], которые обнаружили, что восприятие справедливости в коллективистических культурах в большей степени, чем в индивидуалистических, зависит от отношения к провинившемуся человеку. Чем он ближе, тем, как правило, более мягким оказывается предлагаемое для него наказание.

Интересно отметить, что у старших подростков на первом месте при выборе наказания в «тяжелых» ситуациях, в которых пострадал близкий человек, стоит принцип № 4 – «виновник должен возместить нанесенный ущерб». Его выбирают 51% респондентов этой группы. Он имеет сильную поддержку и в других возрастных группах, и всегда чаще выбирается в случаях, когда близким человеком является пострадавшая сторона ситуации. Данный принцип специалистами считается одним из наиболее древних принципов справедливого наказания и часто обозначается как принцип баланса. Обычно люди склонны использовать его в ситуациях распределения (соответствие вознаграждения внесенному вкладу) или наказания за проступки и деяния, которые не нанесли вреда здоровью других. Но в случае более серьезных правонарушений большинство людей отказываются от него. Например, Д.Т. Миллер и Ч.Д. Маккан [15] обнаружили, что, когда людям предоставляется выбор между наказанием преступника или выдачей компенсации жертве несправедливости, они обычно выбирают первое, что и нашло свое отражение в законодательстве подавляющего большинства стран.

Но в нашем исследовании мы видим нечто противоположное, а именно: у старших подростков удовлетворение от компенсации жертве несправедливости эмоционально перекрывает удовлетворение от наказания виновного. Возможно, что неосознанно подростки проецируют ситуации, предложенные в методике, на себя. Они уже отделяют себя в социальном и психологическом плане от родителей и в то же время осознают свою экономическую несостоятельность. Эта проблема становится для них чрезвычайно актуальной. Поэтому возможно, что необходимость возмещения ущерба воспринимается ими как более серьезное наказание именно по той причине, что они сами не в состоянии возмещать ущерб и это обязательство ляжет на их родителей. С другой стороны, подростки могут проецировать на себя и возможность получения материальной компенсации жертвой и воспринимать это как один из способов решения проблемы финансовой состоятельности. Мы можем также предполагать, что в других возрастных группах она воспринимается как менее актуальная.

Итак, во всех изучавшихся нами возрастных группах наблюдается достаточно отчетливая дифференциация «тяжелых» ситуаций в зависимости от состава их участников и выполняемых ими ролей. Соотношение «свой – чужой» оказывает заметное влияние на частоту выбора различных принципов наказания, что

проявляется в выраженной тенденции к ужесточению наказания для «чужих» и к поиску путей его смягчения для «своих». Например, применительно к «своим» нарушителям подростки и юноши требуют беспристрастности, учета степени вины, всех обстоятельств и т. п. Но, как только «свой» оказывается пострадавшей стороной в ситуации, внимание к этим принципам снижается. В этом случае на передний план во всех возрастных группах выдвигается требование строгости наказания виновника и необходимости возмещения им нанесенного ущерба. Только принцип, требующий соблюдения законности, остается универсальным для всех возрастов и всех случаев.

В завершение отметим еще один интересный факт, вытекающий из материалов исследования. Во всех возрастных группах независимо от того, являются ли ситуации «легкими» или «тяжелыми», испытуемые проявляют большую активность при определении принципов наказания для «чужих» и меньшую при определении принципов наказания для «своих». Это выражается в разнице средней частоты выбора всех принципов вместе взятых. Отсюда следует, что процесс вынесения наказания для «своих» сопряжен с большими психологическими трудностями для респондентов. С этим же связано и то, что при необходимости вынести наказание близкому человеку все респонденты намного чаще (от 1.5 до 10 раз) стремятся переложить решение вопроса на других людей, чем в ситуации наказания постороннего.

Таким образом, возрастные и социально-психологические особенности сравнивавшихся нами групп респондентов влияют на выбор ими принципов справедливого наказания, что, в свою очередь, говорит о существовании между ними различий в представлениях о карательной справедливости (справедливости наказания) и ее принципах.

Выводы.

1. Представления младших подростков, старших подростков и юношей о справедливости наказания определяются социально-культурными нормами, принятыми в обществе, и содержат больше сходств, чем различий, что позволяет говорить о наличии в них универсальных компонентов, уже сформировавшихся к младшему подростковому возрасту. В частности, исследование показывает, что у детей данного возраста уже сформирована способность к различению легких проступков и тяжелых правонарушений.

2. Сходства между изучавшимися возрастными группами в представлениях о справедливости наказания проявляются, во-первых, в преобладающем понимании ее как соблюдения (восстановления) законности; во-вторых, в предпочтении для разных типов ситуаций специфических, но одинаковых во всех возрастных группах принципов наказания. В частности, во всех возрастных группах на выбор принципов наказания существенно влияет фактор «свой – чужой», однако характер этого влияния имеет различия.

3. Младшие подростки в отличие и от старших подростков, и от юношей в ситуациях легких проступков не разделяют четко людей по критерию «свой – чужой» и используют для тех и других схожие принципы наказания, а также в несколько меньшей степени проявляют пристрастно-негативное отношение к «чужим» в случаях с тяжелыми нарушениями. Кроме того, они чаще ориентируются на прямые формы наказания, что, возможно, связано с их детским

опытом, в котором взрослые в процессе воспитания использовали по отношению к ним именно прямые наказания.

4. Возрастные отличия проявляются также в том, что младшие подростки при вынесении наказаний в меньшей степени склонны учитывать обстоятельства и последствия ситуации, в которой разворачивался тот или иной поступок, что, видимо, обусловлено меньшим уровнем их когнитивного развития и меньшим жизненным опытом. С развитием интеллекта человеку постепенно становится доступным понимание влияния обстоятельств на поведение, и, как следствие, именно контекст конкретной ситуации во многом определяет выбор справедливого решения.

5. Раннее формирование представлений о ретрибутивной справедливости может быть связано с обучением в начальной школе и с влиянием на детей не только родителей, но и других значимых взрослых. Прежде всего, это учителя начальной школы, поведение и действия которых субъективно воспринимаются и преломляются в психике и сознании учащихся в процесс интериоризации культурных норм, правил и традиций. Для уточнения этого замечания необходимы дополнительные исследования.

Summary

B.S. Alishev, O.A. Anikeenok, A.R. Gallyamova. The Notions of Punishment Justice in Adolescence and Early Adulthood.

The paper analyzes the principles of fair punishment, on which younger teenagers, older teenagers, and adolescents rely in different types of situations: a) in the situations of venial misconducts and major offenses; b) in the situations when the offending and injured parties differ in their closeness to the respondent. The obtained data demonstrate that: 1) the factor of offence gravity has an equal influence on the choice of principles of fair punishment in all age groups; 2) the factor of “our – another” influences more strongly the choice of principles of fair punishment in the older age groups.

Keywords: justice, principles of punishment, notions of punishment justice, types of situations, teenagers, adolescences.

Литература

1. *Лейнг К., Стефан У.Дж.* Социальная справедливость с точки зрения культуры // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – С. 598–655.
2. *Бреннан Дж., Бьюкенен Дж.* Причина правил. Конституционная политическая экономия. – СПб.: Эконом. шк., 2005. – 272 с.
3. *Darley J.M., and Pittman T.S.* The psychology of compensatory and retributive justice // *Pers. Soc. Psychol. Rev.* – 2003. – V. 7, No 4, – P. 324–336. – doi: 10.1207/S15327957PSPR0704_05.
4. *Hogan R., Emler N.P.* Retributive justice // *The Justice Motive in Social Behavior* / Ed. by M.J. Lerner, S.C. Lerner. – N. Y.: Springer, 1981. – P. 125–143.
5. *Vidmar N.* Retributive justice: Its social context // *The justice motive in everyday life* / Ed. by M. Ross, D.T. Miller. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. – P. 291–313.
6. *Gibson J.L.* Truth, justice and reconciliation: Judging the fairness of amnesty in South Africa // *Am. J. Polit. Sci.* – 2002. – V. 46, No 3. – P. 540–556. – doi: 10.2307/3088398.

7. *Гулевич О.А.* Социальная психология справедливости. – М.: Ин-т психол. РАН, 2011. – 283 с.
8. *Lind E.A., Kray L., Thomson L.* The social construction of injustice: fairness judgments in response to own and others' unfair treatment by authorities // *Organ. Behav. Hum. Dec.* – 1998. – V. 75, No 1. – P. 1–22. – doi: 10.1006/obhd.1998.2785.
9. *Пиаже Ж.* Моральное суждение у ребенка. – М.: Акад. проект, 2006. – 479 с.
10. *Алишев Б.С., Анিকেенок О.А.* Студенты о справедливости в сфере распределения // *Социол. исслед.* – 2007. – № 11. – С. 103–110.
11. *Алишев Б.С., Анিকেенок О.А., Крючкова А.И.* Особенности восприятия справедливости наказания в разных культурах // *Вопр. психол.* – 2010. – № 1. – С. 44–56.
12. *Alishev B.S., Anikeenok O.A.* What College Students Think About Fairness in the Sphere of Distribution // *Russ. Educ. Soc.* – 2008. – V. 50, No 10. – P. 36–52. – doi: 10.2753/RES1060-9393501003.
13. *Kohlberg L.* Essays on Moral Development. V. 1: The Philosophy of Moral Development: Moral Stages and the Idea of Justice. – San Francisco: Harper and Row, 1981. – 441 p.
14. *Morris M.W., Peng K.* Culture and cause: American and Chinese attributions for social and physical events // *J. Pers. Soc. Psychol.* – 1994. – V. 67, No 6. – P. 949–971. – doi: 10.1037/0022-3514.67.6.949.
15. *Miller D.T., McCann C.D.* Children's reactions to the perpetrators and victims of injustices // *Child development.* – 1979. – V. 50, No 3. – P. 861–868. – doi: 10.1111/j.1467-8624.1979.tb02437.x.

Поступила в редакцию
20.04.15

Алишев Булат Салимович – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: Bullet.Alishev@gmail.com

Аникеенок Ольга Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Казанский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Казань, Россия.
E-mail: Anikeenok_Olga@mail.ru

Галлямова Айгуль Римовна – аспирант кафедры общей психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: LediAigyl@yandex.ru